

⁷ См.: Практическая стилистика русского языка. Функциональные стили. /под. ред. В. А. Алексеева, К. А. Роговой. – М., 1982. – С. 47.

⁸ См.: Chabris, C. The mind is not a camera, the brain is not a VCR : some psychological guidelines for designing charts and graphs / C. Chabris, S. M. Kosslyn // Aldus magazine. – 1993. – September – October. – p. 33–36.

⁹ Эксперимент проведен в рамках семинарского занятия по курсу «Документная лингвистика», раздел «Языковые уровни и параметры документного текста».

¹⁰ См.: ГОСТ Р 6.30-2003 Унифицированные системы документации. Унифицированная система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов. – М., 2003.

¹¹ См.: Кушнерук, С. П. Документная лингвистика / С. П. Кушнерук. – Волгоград, 2007; Рахманин, Л. В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов / Л. В. Рахманин. – М., 1997. – С. 177–182.

О. И. Лепилкина

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ САТИРИЧЕСКАЯ ПРЕССА В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Статья представляет типологические характеристики, специфику информационной картины мира и художественные особенности провинциальной сатирической прессы, получившей широкое распространение в период первой русской революции. Типоформирующим для сатирических изданий стало их целевое назначение, обусловившее остальные типологические признаки и особенности существования в подцензурных условиях.

Ключевые слова: информационная картина мира, сатирическая провинциальная пресса, первая русская революция.

Русская провинциальная пресса, несмотря на появление в последнее время целого ряда интересных работ по истории отечественной журналистики, в том числе учебных изданий, до сих пор остается наименее изученной. В равной степени это относится и к сатирическим изданиям, которые возникли как новый компонент системы провинциальной печати в период первой русской революции.

Сам факт активного развития в то время в России сатирических журналов зафиксирован всеми историками отечественной печати начала XX века (Е. В. Ахмадулиным, А. Ф. Бережным, Б. И. Есиным, С. Я. Махониной, Р. П. Овсепяном, С. В. Смирновым и др.). Вместе с тем незаслуженно остается в тени большинство сатирических изданий, возникших в тот период в провинциальных городах. Так, С. Я. Махонина в серьезном исследовании «История русской журналистики начала XX века», констатируя наличие большого отряда сатирических еженедельников, ограничивается примерами столичных изданий, действительно послуживших эталоном для их последователей в годы первой русской революции, и в связи с талантливейшим русским юмористом А. Аверченко упоминает харьковские журналы «Штык» и «Меч»¹.

Стабильный интерес журналистской науки к типологическим изысканиям, которые, по мысли авторитетного теоретика и историка журналистики Б. И. Есина, «всегда требуют большого сравнительного материала, в том числе и историческо-

го»², тоже делает актуальным обращение к большому пласту слабо изученной провинциальной сатирической прессы начала XX века.

Ее возникновение в регионах в период первой русской революции было связано с изменением социально-политических условий существования журналистики. Информационная картина мира, «мира, считающегося, – по мысли ставропольского фельетониста И. Д. Сургучева (Феникса), – только с двумя наименованиями: “раб” и “господин”», не могла в то революционное время не претерпеть изменений. Актуальным стало членение на «своих» и «чужих», в связи с чем характерным явлением стало повсеместное развитие сатирических изданий, что вполне вписывается в трактовку комического в русской культуре как конструирования антимира³.

До 1 января 1907 года по предварительным подсчетам историков печати в целом по стране вышло около трехсот сатирических изданий⁴. Сохранились воспоминания об интересе к сатирической прессе в провинции. Так, в одном из номеров журнала «Северо-Кавказский коллекционер» за 1930 год П. Горцев рассказывал: «Между прочим, я довольно хорошо помню газетчика, торговавшего сатирическими журналами у нас в Ростове в 1905 г. у окна булочной Филиппова (около Московской гостиницы). Вся решетка снаружи окна была усеяна различными пестрыми журналами, которые я успешно скупал в то время»⁵.

Хотя в столицах сатирическая пресса стала возникать еще в 1905 году, в провинциальных центрах массовое появление сатирической прессы пришлось на 1906 год. Как правило, это были первые для своей местности, но не единичные издания подобного типа. В Томске возник «первый в Сибири литературно-сатирический листок» «Осы», а помимо этого появились сатирические издания «Бубенцы» (как приложение к газете «Сибирские отголоски»), «Бич», «Ерш», «Красный смех», «Рабочий юморист», «Негативы», «Силуэты Томска», «Силуэты Сибири». В Иркутске издавались «Овод» (1906), «Паут» (вначале выходивший как отдел газеты «Сибирская почта») (1906), «Жало» (1906), в Ярославле – «Ярославская колотушка» (1906–1908), «Ярославский колокол» (1906–1907), в Калуге – «Калужская жизнь» (1907), «Калужский щелчок» (1907–1909), «Калужское тесто» (1907), в Астрахани – «Чилим» (1906), «Смех сквозь слезы» (1906–1907), в Саратове – «Карандаш» (1906), «Жгут» (1906–1907), «Щелкунчик» (1907) и т. д.

Еще одной особенностью сатирической прессы в регионах стало ее развитие на национальных языках. Так, в 1906 году в Оренбурге появились журналы «Чикертка» («Кузнечик») (часть материалов печаталась на русском языке), «Уклар» («Стрелы»), «Карчыга» («Ястреб»), «Чукеш» («Молот»), в Тифлисе – «Молла Насреддин», «Комар», «Кукареку», в Киеве – «Шершень» и т. д.

Сатирические журналы чаще всего выходили объемом 8–12 полос и форматом чуть больше (на 3–6 см) современного А-4. Однако в зависимости от технических возможностей местной типографии формат мог варьироваться.

Большинство из изданий сатирической прессы в провинции позиционировало себя как журналы общественной сатиры и соответствовало общей направленности сатирической журналистики того времени, по поводу которой В. Г. Короленко в статье «Петербург смеется» писал: «Сатира вся сплошь превратилась в политическую»⁶. В то же время вывод одного из обозревателей той поры, сделанный на основе анализа столичных сатирических изданий «Сигнал», «Зритель», «Пулемет» и др., что «партийные симпатии большинства рассмотренных сатирических журналов едва ли поддаются сколько-нибудь точному определению»⁷, в полной мере приложим и к провинциальным изданиям. Они, как правило, выражали политические настроения широких демократических слоев населения.

Именно специфика целевого назначения – служить способом формирования и отражением общественного мнения о социальной и политической ситуации в стране – стала ведущим типоформирующим признаком для сатирической прессы в регионах, обусловившим другие ее типологические характеристики.

Решая одни и те же общественно-политические задачи, провинциальные сатирические еженедельники обладали сходной внутренней структурой. На титульном листе, как правило, располагалась заголовочная часть, украшенная изображением, соответствующим названию издания, и снабженная в подзаголовке подходящим девизом. Здесь же обычно приводились сведения о редакции и расценки на журнал и рекламу. Оставшуюся часть полосы занимали карикатура на злобу дня, рисунки плакатного характера или текстовые материалы большого объема. У последней полосы тоже была постоянная модель: верхняя часть занята карикатурой, нижняя – объявлениями (чаще всего сатирическими), в «подвале» указаны фамилия редактора-издателя и сведения о типографии.

Одной из важных характеристик внутренней структуры журналов являлось наличие постоянных текстовых рубрик, которые порой повторяли обычные газетные («Телеграммы (нашего провокационного агентства, беспроволочного телеграфа и т. д.)», «Местная хроника», «Фельетон», «Герои дня» и т. д.).

Оформление местных сатирических изданий зависело от креативности и художественных способностей сотрудников. Карикатуры (по 5–6 и более в каждом номере) имели чаще всего не иллюстрационное, а самостоятельное значение, однако вписывались в общую концепцию издания «общественной сатиры» и в контекст развития сатирической графики в тот период. Первый номер ставропольского журнала «Бомба», например, открывался карикатурой, в которой по усеянному трупами полю шествовал российский император, узнаваемый по короне на голове.

Характерным элементом оформления были разного рода виньетки, служившие и визуальному членению материалов на полосу, и внесению дополнительной семантической нагрузки. Популярными были изображения черта, скелета, черепа. Аркадий Аверченко в связи с этим писал: «Теперь редакторов хлебом не корми – дай им только череп...»⁸.

О составе редакций местных сатирических журналов говорить сложно, поскольку и текстовые, и графические материалы подписывались псевдонимами или инициалами. Популярными были Бомбист, Инкогнито, Миг, Пуля, встречавшиеся во многих сатирических изданиях. Семантика избираемых псевдонимов, в основном, была прозрачна. Например, Фланера, фигурировавшего в нескольких журналах, очевидно, можно интерпретировать как беспристрастного наблюдателя, Абрека – как человека, давшего зарок довести до конца какое-то дело, и т. д. В некоторых изданиях были псевдонимы с региональной спецификой. К примеру, Чапруша – псевдоним автора сатирических текстов в ставропольском журнале «Бомба» – этимологически связан со словом «чапра», что на южном наречии означает дробь для заряда ружья, виноградные выжимки.

Большинство псевдонимов, как правило, ранее в периодике не фигурировало, что может быть косвенным признаком появления новых сил в местной журналистике.

Продуктивными для решения сатирических задач были формы сказки, рекламного объявления, шарады, загадки, арифметической задачи, энциклопедического словаря, театральной программы и др. Из малых сатирических форм популярными были телеграммы («Таганрог. Вода из Азовского моря из боязни дальнейших репрессий бежала в Керчь»⁹) и диалоги («Дяденька, дозвожь на виселицу взглянуть? В целую жисть не видал. – Ну, ну, проваливай, очки-то не втирай: ты что, из русских

али французов? – Вестимо, из русских. – Из русских, так и разговаривать нечего: проваливай»¹⁰).

Среди сатирических изданий в провинции в тот период доминировали еженедельные журналы с карикатурами, хотя известен и единичный факт использования газетного формата: 18 июня 1906 г. вышел первый (возможно, единственный) номер «еженедельной сатиро-юмористической иллюстрированной газеты» «Одесситка».

Выбор еженедельной периодичности был неслучайным, поскольку именно эта форма позволяла редакциям оперативно откликаться на актуальные события, создавая сатирические обобщения на злобу дня. Интерес к карикатуре обосновывался журналистами начала XX века тем, что «карикатура есть наилучший способ представить конкретно какую угодно отвлеченную идею и внушить ее толпе, недоступной отвлеченностям. Она дает понять глазам образ того, идею чего ум едва ли уразумел бы без этой наглядности»¹¹. Карикатура была классическим средством создания образа «Чужого», способом с помощью гиперболизации передать авторское отношение к идеям и ценностям, не разделяемым им.

Воплощение в сатирической печати полярности социума приводило к доминированию оппозиции «свет – тьма», восходившей к противопоставленности добра и зла и находившей дальнейшую реализацию в оппозиции «свобода – рабство». Показателен факт, что в одном из номеров красноярского журнала «Фонарь» на последней полосе (абсолютно чистой) редактор-издатель Ф. Филимонов чернилами написал стихотворение «Свобода», где утверждал: «И кто хоть раз вдохнул ее благоуханье, // Тот не вернется к рабству и цепям»¹². Подобные тексты встречаются во многих провинциальных изданиях.

Конструирование на страницах местной сатирической прессы полярного мира вело к появлению фигуры, антагонистической бюрократическому режиму, – народа, который представлял чаще всего в двух ипостасях – страдальца и героического борца. Например, в томском журнале «Осы» было опубликовано стихотворение «Голод», где характерным было противопоставление «мы» и «они»: «Из сумрачной дали, из глубины отчизны, // Из бедных деревень, с заброшенных полей, // Для мщенья страшного, для долгожданной тризны // Идет, идет он к вам все ближе, все смелей. // <...> Навеки, без возврата // Сгорит ваш подлый мир насилья и разврата...»¹³.

Противостояние находило отражение и в графике журналов. Известно, что советский карикатурист Борис Ефимов выделял три вида карикатуры как средства отражения действительности: сатирическую (оружие в политической борьбе), развлекательную и гневно-трагическую¹⁴. Если принять этот подход, то следует признать, что сатирической прессе периода первой русской революции были свойственны первая и последняя, как наиболее полно реализующие идейные установки демократической журналистики того периода.

Внимание журналистов-сатириков было приковано, в первую очередь, к столичным событиям, но в журналах находили сатирическое отражение и региональные конфликты и явления. Издания обращались к теме выборов в Государственную Думу, взаимоотношений журналистики и власти, порядков в местных гимназиях и т. д.

По своей направленности местная сатира представляла собой «сатиру на лица», свойственную, как правило, эпохам политических потрясений. Приоритетность общественно-политической тематики диктовала выбор объектов сатирического обличения, каковыми становились высшие государственные чиновники, известные на всю страну аферисты, отдельные политические партии и политики, в том числе местные, и реакционная пресса.

Популярными фигурами для сатирического осмеяния у провинциальных журналистов были бывший премьер-министр, граф С. Ю. Витте, прежде всего как автор ряда важнейших законопроектов той поры, и петербургский генерал-губернатор Трепов, отдавший войскам в октябре 1905 года печально знаменитый приказ: «Холостых залпов не давать, патронов не жалеть!» В одном из сатирических текстов воспроизводился диалог между просящими милостыню и почтенной публикой: «Подайте Витте ради! Подайте хоть кусочек свободы, 100 лет не видали. Подайте манифеста ради. Подайте, батюшка, матушка!» – «Трепов подаст...»¹⁵. В другом издании в сатирическом тексте «Символ веры» помещен пункт: «Верую в бывшего народа отца Трепова мертвеца: в его державную плеть и в милое “патронов не жалеть”»¹⁶.

Часто олицетворением зла в современной России для журналистов в регионах являлся премьер-министр П. А. Столыпин, называемый «военно-полевым врачом». Сатирики давали следующую оценку результатам его политики: «Вместо мира – военно-полевые суды, вместо порядка – анархия, вместо “Конституции” – вавилонское столпотворение»¹⁷. Текстовая сатира получала подкрепление в визуальном ряде. В том же номере в карикатуре «Российская конституция гр. Витте, исправленная и дополненная Столыпиным» конституция была изображена в виде большой фигои, поддерживаемой штыками, пушками и окруженной виселицами.

Постоянные объекты сатиры в провинциальной сатирической прессе – «Союз 17 октября» и «Союз русского народа», причем журналисты зачастую стремились к конкретике и называли имена своих сограждан, ставших для них олицетворением черносотенного движения. Иногда выпуск полностью был посвящен погромной деятельности «истинно русских людей» против инородцев, «скубентов», «тентелигенции»¹⁸. Карикатуры и сатирические тексты создавали объемный образ этого деструктивного явления современности.

Названия журналов были прозрачной аллюзией для читательской аудитории. Так, слово «чилиим», использованное в названии сатирического журнала в Астрахани, по данным словаря В. И. Даля, являлось в XIX веке прозвищем астраханцев¹⁹, а название «Самарский горчишник» было связано с местной традицией называть подобным образом хулиганов, оборванцев (в пользу этого утверждения свидетельствует и выбор названия для журнала, появившегося чуть позднее, в 1908 году, – «Хулиган»).

В провинциальной сатирической прессе были популярны редакционные статьи, обосновывающие выбор названия и его соответствие программе издания. Создатели саратовского «Жгута», к примеру, объясняли: «Пока слабейший не наберется достаточно смелости и не начнет хлестать жгутом сильнейшего, никакое движение вперед немыслимо», и приводили исторические примеры, когда многочисленные народные бунты заставляли монархов даровать свободы. В связи с этим сатирики обозначили свою критическую нацеленность на современную «обнаглевшую реакцию»²⁰.

Сатирические журналы в провинции создавались с опорой на фоновые знания нюансов столичной и местной общественно-политической жизни. Так, формулировка в ставропольском журнале «Бомба», что при губернаторе Вельяминове «либеральничать можно было, но в меру, точно определенную кровопусканием 7 июня», отсылает читателей к трагедии, разыгравшейся в Ставрополе 7 июня 1905 года. В тот день состоялся религиозный диспут между миссионером Святейшего синода отцом Ксенофонтом Крючковым и старейшиной ставропольских молокан Ларионовым в церкви при большом стечении народа. Обе стороны не удержались от резких выпадов в адрес друг друга. В толпе стали звучать угрозы в адрес молокан. Церковь удалось освободить, но толпа не расходилась в ожидании их выхода. Она становилась все агрессивнее и около 22 часов двинулась на приступ церкви. Началась беспорядочная стрельба. В ходе столкновения было убито 15 и ранено около 70

человек²¹. Хотя, согласно архивным документам, губернатор А. Н. Вельяминов пытался успокоить толпу, но в общественном сознании его деятельность получила негативную оценку, чему свидетельство публикация в «Бомбе».

Нарицательными в тогдашней сатирической прессе стали имена Лидваля и Гурко – участников громкой финансовой аферы. Известно, что министерство внутренних дел поставило вопрос о выделении денег для закупки 10 миллионов пудов зерна для голодающих. Товарищ министра В. И. Гурко, минуя этап конкурса для определения наиболее выгодных условий, распорядился выдать подряд на поставку хлеба и аванс в 800 тысяч рублей Э. Л. Лидвалю, известному в России поставщику усовершенствованных ватерклозетов и совладельцу игорных заведений с шансонетками в нескольких городах страны. Хлебом Лидваль никогда не торговал и договора не выполнил. Пресса писала, что соответствующую сумму получил и Гурко. Без знания всех этих деталей трудно понять смысл карикатуры в саратовском журнале «Жгут», где в клозет, на котором надпись «Лидвалю», высыпаются монеты из бумажного мешка с надписью «Задаток 800000 руб.».

В целом, характерными признаками провинциальных сатирических журналов стало обильное использование прецедентных феноменов: прецедентных имен и ситуаций, прецедентных высказываний, в том числе стихотворных и прозаических цитат, названий художественных произведений, строк из известных песен, пословиц и поговорок, крылатых выражений, фразеологизмов. Создавая мир антиидеального, журналисты широко и талантливо использовали прием, который В. Я. Пропп называл травестией, подразумевая под этим использование готовой литературной формы в иных целях, чем те, которые имел в виду автор. Они включали литературные реминисценции в качестве сознательного приема, рассчитанного на память и ассоциативное восприятие читателя. С этой целью провинциальные сатирики обращались к творчеству А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. А. Фета, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. А. Некрасова и др.

Карикатуристы активно использовали сказочные, былинные, басенные сюжеты, библейские мотивы и пр., создавали ассоциации с известными живописными полотнами и т. д. Так, например, карикатура «Кандидат в министры» в ставропольском журнале «Бомба», на наш взгляд, сохраняет ассоциацию с фольклорным образом осла как персонифицированной глупости, хотя в то же время для подготовленного читателя был очевиден еще один подтекст, связанный со знаменитой политической карикатурой И. Я. Билибина в петербургском журнале «Жупел», где он нарисовал осла в широко известной рамке портрета Николая II.

Прецедентные феномены, включенные в художественное целое журналов, позволяли их создателям конструировать сатирическую картину современного мира и усиливать прагматический потенциал изданий, нацеленных на формирование общественного мнения по актуальным проблемам российской и местной жизни.

Активно декларируемая общественная позиция обусловила еще одну характеристику сатирической прессы того периода – ее кратковременность, что было связано со спецификой цензурных условий ее существования. Широко известны стихи о положении сатирической печати, опубликованные в журнале «Бурелом»: «Нельзя писать о бюрократе, // Об офицерстве, о солдате, // О забастовке, о движеньи, // О духовенстве, о броженьи, // О мужике, о министерстве, // О казни, о казачьем зверстве, // О полицейских, об арестах, // О грабежах, о манифестах, // Но остальное все печать // Должна сурово обличать. // Когда ж напишешь – посмотри // “128” и “103”²²»²³. Об этом же многократно писали сатирики в провинции.

В научной литературе восстановлена цензурная история некоторых провинциальных сатирических изданий. Так, Е. В. Ахмадулин привел архивные данные о переписке таган-

рогских властей с департаментом полиции, из которой следует, что «юмористический журнал “Саламандра” первое время осмеивал распоряжения таганрогского генерал-губернатора и таганрогской полиции, но получил предупреждение и в настоящее время существование прекратил»²⁴. И такие случаи были массовыми.

Таким образом, провинциальная сатирическая пресса в России, возникшая в период первой русской революции, обладала рядом общих признаков. Типоформирующим стало целевое назначение сатирических изданий, их направленность на формирование общественного мнения по актуальным вопросам политической ситуации в России. Общими тенденциями стали широкое использование фольклорных традиций, прецедентных текстов, малых жанровых форм сатиры.

Примечания

¹ Махонина, С. Я. История русской журналистики начала XX века / С. Я. Махонина. – М., 2002. – С. 191–192.

² Есин, Б. И. Ещё раз о типологии / Б. И. Есин // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 10. Журналистика. – 2005. – № 6. – С. 67.

³ См.: Лихачев, Д. С. Смех в Древней Руси / Д. С. Лихачев. – Л., 1984.

⁴ См.: Спиридонова, Л. А. Русская сатирическая литература начала XX века / Л. А. Спиридонова. – М., 1977. – С. 19.

⁵ Горцев, П. Сатирические журналы 1905–1906 гг. / П. Горцев // Сев.-Кавказ. коллекционер. – 1930. – № 12.

⁶ Короленко, В. Г. Петербург смеется / В. Г. Короленко // Полтавщина. – 1906. – № 1.

⁷ Кранихфельд, В. О русской сатирической журналистике / В. Кранихфельд // Мир божий. – 1905. – № 12. Отд. II. – С. 118–119.

⁸ Штык. – Харьков, 1907. – № 9.

⁹ Фаланга. – Ростов н/Д., 1906. – № 19.

¹⁰ Бубенцы. – Томск, 1906. – № 30.

¹¹ Новое время. – 1900. – 10 февраля.

¹² Фонарь. – Красноярск, 1906. – № 8.

¹³ Осы. – Томск, 1906. – № 10.

¹⁴ См.: Ефимов, Б. Десять десятилетий. О том, что видел, пережил, запомнил / Б. Ефимов. – М., 2000.

¹⁵ Крутогорский ерш. – Вятка, 1906. – № 8.

¹⁶ Брызги. – Владивосток, 1906. – № 5.

¹⁷ Бомба. – Ставрополь, 1906. – № 2.

¹⁸ См.: Голос правды. – Саратов, 1906.

¹⁹ Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. Р – V / В. И. Даль. – М., 1982. – С. 604.

²⁰ Жгут. – Саратов, 1906. – № 1.

²¹ См.: Кемпинский, Э. В. Революции 1905–1907 годов в Ставропольской губернии / Э. В. Кемпинский. – Ставрополь, 1995. – С. 36–42.

²² Речь идет о статьях уголовного уложения 103 (оскорбление Величества) и 128 («дерзостное неуважение к верховной власти»).

²³ Бурелом. – СПб., 1905. – № 1.

²⁴ Ахмадулин, Е. В. Сатирические издания / Е. В. Ахмадулин // Ахмадулин Е. В., Яровой И. В. Печать Дона в годы первой русской революции. – Ростов н/Д., 1985. – С. 65.